

Банкр, отряд ступил на землю деревни Юйлин. Староста уже давно ждал их у деревенских ворот вместе со всеми жителями, чтобы встретить гостей.

Как уже упоминалось ранее, Гора Линьюй изобиловала духовной энергией, поэтому земля здесь родила вдоволь всяких благ, а жители деревни Юйлин славились трудолюбием. Благодаря дарам Горы Линьюй они жили вполне зажиточно.

Заметив прибывших, староста поспешно вышел вперёд, обменялся с ними дежурными любезностями и тут же собрался устроить путников на ночлег. Лань Ванцзи остановился и бросил взгляд на Вэй Усяня. Тот сразу всё понял, шагнул к старосте и сказал:

— Староста, с комнатами мы разберемся чуть позже. Не могли бы вы сейчас проводить нас в дом кого-нибудь из пострадавших от проклятия жителей, чтобы мы всё осмотрели?

Староста замялся:

— Это... — Дело было вовсе не в том, что он не хотел вести заклинателей к больным, просто он страшился оказать почтенным наставникам недостаточно уважительный приём.

Лань Ванцзи тоже сделал шаг вперед и произнес холодно, но вежливо:

— Просим вас.

Староста ответил:

— Хорошо, тогда ступайте за мной.

По дороге староста принимался рассказывать гостям о положении дел в деревне:

— Раньше в наших краях всегда царили мир и покой. Но ровно полмесяца назад деревенские парни, Те Нью и Да Чжу, отправились вдвоем на охоту в горы и с тех пор не вернулись. Поначалу в том, что охотник задерживается в лесу день-другой, нет ничего необычного, однако прошло уже много времени, а они всё не возвращались. Их родители испугались не на шутку и пришли к нам за помощью. Я тут же собрал односельчан на поиски в горах. Когда парней наконец отыскивали, их рассудок был уже полностью помрачен. Вернувшись домой, они не пили и не ели, целыми днями забившись в самый темный угол и снова и снова бормоча одно и то же: Не знаю, не знаю. Продержавшись всего семь дней, они испустили дух. С тех пор все до единого крестьяне, что осмеливались ходить на охоту в горы, кончали точно так же. В конце концов людей охватил такой ужас, что больше никто не смел ступить на Гору Линьюй даже на полшага. Но на этом странности не прекратились. Даже когда в горы никто не ходил, в деревне каждый день один или два человека беспричинно сходили с ума. Теперь все в деревне боятся друг друга, и каждый день проходит в тревоге и страхе.

Вэй Усянь спросил:

— Староста, а есть ли что-то общее у всех, с кем приключилась эта беда?

Староста на мгновение опустил голову, вспоминая, и выпалил:

— Беда постигла исключительно мужчин, причем все они — одиночки, никогда не бравшие в жены жен и не создававшие семьи.

Пока они беседовали, отряд уже добрался до дома одного из пострадавших. Староста пояснил, что больного зовут А-Шу и дома осталась только его младшая сестра. Дверь была заперта, и староста позвал:

— Сяо Юй, ты дома?

Деревянная створка тут же отворилась, и на пороге показалась миниатюрная девушка с нежными чертами лица.

Староста обратился к ней:

— Сяо Юй, это заклинатели, что изгоняют злых духов. Они пришли взглянуть на твоего брата.

Услышав это, девушка поспешно отвесила глубокий поклон, а на ее лице отразилось глубокое горе:

— Простите за беспокойство, благодарю почтенных наставников за труды.

С этими словами она отступила в сторону, пропуская гостей в дом.

Внутри царил полумрак. А-Шу, которому было около двадцати лет, обладал тонкими, благородными чертами лица, но сейчас он съежился в самом дальнем углу постели. Его хрупкое тело слегка дрожало, а губы без устали твердили одно и то же: Не знаю. Голос его звучал хрипло и сухо, выдавая крайнюю слабость.

Заметив это, Вэй Усянь украдкой подкрался к Не Хуайсану, наклонился к самому его уху и, с трудом сдерживая смех, поддразнил:

— Брат Не, только погляди на него — вылитый ты со своим прозвищем «не знаю трех вещей», ха-ха-ха.

Едва стихли его слова, как Лань Ванцзи обернулся и бросил на него холодный взгляд, а Цзян

Чэн одарил брезгливым презрительным взглядом. Вэй Усянь мгновенно унял улыбку, изобразил серьезное и благопристойное выражение лица и быстрым шагом вернулся к Лань Ванцзи, после чего обратился к Сяо Юй:

— Как давно твой брат находится в таком состоянии?

Глаза Сяо Юй покраснели, и она ответила со слезами в голосе:

— Уже целых три дня, наставники. Есть ли у вас способ исцелить моего брата?

Вэй Усянь неторопливо приблизился, обошел вокруг лежащего на постели А-Шу, а затем повернулся к Лань Ванцзи и произнес пониженным голосом:

— Лань Чжань, злой дух поглотил большую часть его духовного сознания.

Услышав это, Сяо Юй почувствовала, как ослабли ноги, и чуть не рухнула на колени, со слезами умоляя:

— Умоляю, наставники! На всем белом свете у меня остался лишь один родной брат, заклинаю вас, спасите его!

Староста тоже принялся вторить ей:

— Верно, наставники, эти брат с сестрой рано лишились родителей, и кроме друг друга у них никого не было. Сжальтесь, помогите им!

Лань Ванцзи мягко успокоил их:

— Староста, не тревожьтесь. Пока теплится хоть искра надежды, мы сделаем всё возможное для его исцеления.

С этими словами он посмотрел на Вэй Усяня. Тот слегка кивнул, поднял руку и сотворил Талисман Восполнения Духовных Сил, после чего прикусил кончик пальца и, используя собственную кровь в качестве проводника, прямо в воздухе вывел еще один — Талисман Запирания Души. Он пояснил:

— Сперва я с помощью талисманов подлатаю его духовное сознание, чтобы к нему временно вернулся рассудок и он смог хоть немного поесть и набраться сил. Однако это лишь устраняет симптомы, но не корень болезни. Чтобы исцелить его окончательно, необходимо отыскать его собственное духовное сознание.

Сяо Юй снова и снова кланялась в пояс, а по ее щекам непрерывно текли слезы.

Затем староста повел остальных поочередно в дома других пострадавших жителей. На непрерывное использование талисманов ушло немало духовных сил, и на лице Вэй Усяня постепенно проступила усталость. К счастью, беда пришла недавно, и за исключением тех, кто уже расстался с жизнью, число оставшихся в живых жертв было не столь велико.

Когда со всеми делами было покончено, небо успело совсем потемнеть. Переживающий староста тут же велел домочадцам накрыть ужин для дорогих гостей.

Заметив, что Вэй Усянь чересчур истощил свои духовные силы и может не выдержать, Лань Ванцзи велел всем разойтись по комнатам и немного отдохнуть.

Деревня есть деревня — пусть даже староста и был человеком зажиточным, свободных покоев на такую толпу не нашлось, а потому пришлось размещаться по несколько человек в комнате.

Заниматься распределением комнат выпало Лань Цзин И, а потому под руководством Лань Ванцзи всё решилось быстро: Лань Ванцзи и Вэй Усянь заняли одну комнату, сам он поселился вместе с Сычжужем, а Цзян Чэн изначально должен был делить кров с Цзинь Лином. Однако Цзинь Лин считал характер дяди чересчур скучным и угрюмым, а потому попросту подхитил свой узел и сбежал в комнату к Сычжужю. Не Хуайсан изначально занимал отдельную боковую комнату, но после ухода Цзинь Лина Цзян Чэн остался один, и тогда он заставил Не Хуайсана уступить его пустующие покои мне, а сам поселился вместе с Не Хуайсаном. Остальные же заклинатели из различных именитых кланов разместились по комнатам небольшими группами.

Я занесла свой нехитрый узел в отведенную мне комнату. Обстановка внутри оказалась предельно простой: стол, кровать да деревянный шкаф. Из щелей в окне тянуло ночным ветерком, принесшим с собой слабый затхлый дух. В отличие от чистейшей духовной энергии Горы Линъюй, здешняя атмосфера была холодной и липкой, от одного прикосновения к коже становилось не по себе. Закрыв окно и кое-как разобрав постель, я только вышла за порог, как тут же нос к носу столкнулась с Цзян Чжэном, который поджидал меня, прислонившись к опорному столбу галереи.

— Ночью крепко запри двери и окна, и что бы ни доносилось снаружи, чьим бы голосом тебя ни звали — ни в коем случае не откликайся и не открывай, — Цзян Чэн крепко сжал в руке Саньду, а его брови сошлись на переносице. — Эта зловещая аура скрытна и утаена, она совсем не похожа на обычных свирепых призраков и злобных духов. Скорее, это какое-то колдовство, забирающее души: разум жертвы вытягивают, оставляя лишь пустую оболочку, оттого они и твердят без конца это свое не знаю.

Я послушно кивнула, прекрасно понимая, что происходящее сейчас в сюжете — совершенно новая ветвь истории, а таящиеся в ней опасности абсолютно непредсказуемы. Рисковать собственной шкурой я вовсе не собиралась. И хотя эта никудышная Система вряд ли позволит мне умереть, превращаться в слабоумную дурочку мне тоже не улыбалось:

— Знаю-знаю, ночью я ни за что не выйду наружу, не стану чинить хлопот и тихо посижу в комнате.

Пока мы разговаривали, мы направились к внутреннему двору, где уже собрались Вэй Усянь, Лань Ванцзи, Не Хуайсан и Цзинь Лин. Все они сошлись в центре двора, чтобы сопоставить и обсудить каждую деталь, о которой поведали крестьяне.

В этот момент староста уже принес и расставил еду:

— Почтенные наставники, отведайте хоть немного, заморите червячка.

Пожинав, Вэй Усянь практически полностью восстановил силы и теперь обсуждал с Лань Ванцзи, как именно отыскать духовные души сельчан.

Лань Ванцзи опустил взгляд, погрузившись в раздумья, и произнес холодным и чистым голосом:

— Это существо не имеет плотской оболочки и не проникает в дома во плоти. Скорее всего, оно прокрадывается в чужие сны через ауру и похищает души. Оно бесформенно и не имеет лика, а человеческий глаз не способен уловить следы его перемещений.

Вэй Усянь потер подбородок и постучал пальцем по земле, мысленно направляя духовную энергию вглубь почвы. Спустя мгновение его брови нахмурились:

— Почва пропитана мутной духовной энергией, а зловещая аура ползет по жилам земли по всей деревне. Ее источник ведет прямо к середине склона Горы Линъюй. Истинное тело злого духа прячется глубоко в горах, ему даже не нужно спускаться в деревню — достаточно лишь течения подземных энергий, чтобы на расстоянии управлять снами каждого жителя.

Не Хуайсан раскрыл веер, по-прежнему изображая праздное и безмятежное простодушие, а его голос звучал легко и невесомо:

— Ой, как же это пугающе звучит! Хорошо хоть я совсем не силен в рукопашной схватке, так что лучше посижу смирно во дворе, а всю тяжелую работу оставляю вам, уважаемые.

На словах он выказывал слабость, однако его взгляд украдкой скользнул в сторону Горы Линъюй, в глубине глаз на мгновение мелькнула глубокая мысль, но тут же вновь сменилась дурашливым выражением.

Глядя на Не Хуайсана, я мысленно фыркнула про себя: [Какая же изысканная белая лилия! Даже такой проницательный и умный человек, как Вэй Усянь, позволил себя одурачить и использовать. К счастью, помыслы у него чисты и он не выступает против великих кланов, иначе четверо великих семейств наверняка оказались бы у него в лапах. Впрочем, этот образ

невинного цветочка ведом лишь Вэй Усяню да второму господину Лань, а перед остальными все равно приходится играть роль. В конце концов, это его защитная маска, так что это вполне можно понять.]

Стоявший рядом Цзян Чэн отчетливо расслышал мои мысленные вопли, и его темный взгляд упал прямо на меня, а в голове пронеслось недоуменное сомнение: [Белая лилия? Что за странное выражение? Почему эта девчонка назвала Не Хуайсана белой лилией? Неужели она к нему равнодушна? К тому же она кажется поразительно осведомленной о характерах и прошлом каждого из нас. Кто она в конце концов такая?]

Я повернула голову и обнаружила, что Цзян Чэн смотрит на меня в упор:

— Айя матушка, напугал до смерти! — тихонько пробормотала я. — Чего ты так уставился? На мне что, грязь?

Лицо Цзян Чэна покраснело, он торопливо отвел взгляд и замолк. Заметив это, я заинтересовалась еще больше:

— С чего это ты покраснел, тебе нездоровится? — С этими словами я протянула руку, желая коснуться его лба и проверить, нет ли жара.

Цзян Чэн перехватил мое запястье и тихо приказал:

— Не дури.

— Ты точно в порядке?

— Всё хорошо, я прекрасно себя чувствую.

— Ну ладно, — послушно отступив назад, я спряталась за спину Цзян Чэна.

Тот шагнул вперед и объявил:

— Нынче ночью дежури́м в две смены. В первую половину ночи мы с Цзинь Лином обойдем все деревенские улицы и переулки, чтобы выявить точки с наибольшей концентрацией зловещей энергии. Во вторую половину ночи Лань Чжань вместе с младшими из клана Лань установит Барьер Безмятежного Размышления, чтобы защитить сны всех находящихся во дворе и оградить их от проникающих сновидения духов. Не Хуайсан останется караулить во дворе.

Ночь сгущалась, погружая деревню Юйлин в абсолютную мертвую тишину. В каждом доме рано погасили огни и заперли ставни, и во всей округе не было слышно ничего, кроме шелеста ветра в листве да доносившихся из глубин Горы Линьюй приглушенных, жутких завываний, от

которых у любого кровь стыла в жилах.

Вернувшись в комнату, я в точности исполнила наказ Цзян Чэна: крепко-накрепко заперла дверь и даже подперла ее деревянной табуреткой, однако на душе все равно было беспокойно.

Не прошло и много времени, как снаружи послышался едва уловимый стук в окно — раз, другой. Ритм был медленным и мягким, совсем не похожим на грубые удары врагов, скорее напоминающая осторожный зов знакомого человека.

Сквозь оконную бумагу до меня донесся невнятный, мягкий девичий голос:

— Су-гунян, откройте, пожалуйста. Я А-Я, из соседнего двора. Моя матушка тоже лишилась рассудка, умоляю, помогите позвать Цзян Цзунчжу, пусть взглянет на нее...

Сердце у меня сжалось. Староста ведь ясно говорил, что нападению подверглись исключительно одинокие мужчины, с чего бы вдруг матушке этой А-Я тоже пострадать? В этот момент я накрепко заучила наставления Цзян Чэна и намертво зажала уши руками, не отвечая ни звука. Голос же за окном не отступал, интонации становились всё более жалобными и горестными, примешивая к речи тихие всхлипывания, словно от горя у нее вот-вот разорвется сердце:

— Умоляю вас! Вы ближе всех к Цзян Цзунчжу, если мы помедлим еще хоть немного, моя матушка окончательно лишится души...

Этот голос обладал невероятной приворотной силой, способной пробудить в любом сострадание, и я чуть было не поддалась искушению приоткрыть окно. Но тут мне вспомнились сюжеты прочитанных в современности страшных историй, и я отчетливо осознала: это не что иное, как ментальный соблазн перед проникновением злого духа во сны. Стоит лишь откликнуться или встретиться взглядом — и твоя душа мгновенно окажется во власти чудовища.

В ту же секунду над двором раздался чистый звук циня — долгий и строгий. То была мелодия в исполнении Лань Ванци. Звуки струн в мгновение ока развеяли витавшую за окном зловещую ауру, стук и плач разом оборвались, леденящий и мутный дух отступил, и в комнате вновь воцарился покой.

Я с облегчением выдохнула, подошла к окну и через щель украдкой выглянула наружу. Во дворе, у каменного стола, прямо сидел Лань Ванци, перебирая струны пальцами. Его окутывало синеватое свечение, а защитный барьер надежно укрывал весь двор целиком; Вэй Усянь, прислонившись к перилам с флейтой Чэньцин в руках, осматривал окрестные улицы в поисках движения; Цзян Чэн вместе с Цзинь Лином быстрым шагом патрулировали деревенскую дорогу, а кончик хлыста Цзыдянь испускал тусклые фиолетовые искры, разгоняя остатки блуждающей у дороги нечисти; Не Хуайсан же, ссутулившись на стуле в галерее, полуприкрыв глаза и покачивая веером, казалось, задремал.

Натянутые до предела нервы понемногу отпускало, и меня тут же сморила дремота. Улягшись на постель, я погрузилась в глубокий сон.

<http://bllate.org/book/19703/1937805>